GUMILYOV JOURNAL OF HISTORY
ISSN: 3080-129X. eISSN: 3080-6860
DOMESTIC HISTORY – ОТАН ТАРИХЫ – ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Научная статья / Research Article
МРНТИ / IRSTI 03.09.55 (03.20.00)

https://doi.org/10.32523/3080-129X-2026-156-3-179-201

Construction of the Image of a Muslim Woman on the Pages of the Newspaper "Terjiman" (1883-1890)

S. Sabyr[a]✉
Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan
✉*saniya.nurzhanovna@gmail.com*

Abstract. The article examines the problem of the lack of a holistic analysis of the image of a Muslim woman in the journalism of Ismail Gasprinsky, who published the newspaper “Terjiman” in Bakhchisarai since 1883. Despite the large number of works devoted to his educational, publishing and reform activities, the "women's issue" did not become the topic of a separate study, and no systematic study of articles from 1883-1890 was conducted. The relevance of the topic is due to the fact that a significant body of I. Gasprinsky's journalistic legacy from 1887-1890 was introduced into scientific circulation in Russian only in 2019, which gives his analysis special importance for understanding the gender policy of Jadidism and opens new opportunities for studying the women's issue within the framework of Jadid discourse. The key concept of the analysis is the construction of the image, that is, how a new model of female subjectivity was built using articles, notes, and feuilletons in the newspaper “Terjiman”, which differed from both traditional stereotypes and Western models of women's liberation. The purpose of this article is to recreate the holistic image of a Muslim woman that I. Gasprinsky deliberately created on the pages of the newspaper “Terjiman” in 1883-1890. The methodological basis of the research is a set of methods: discourse analysis, content analysis and the gender approach of Nira Yuval-Davis, as well as a comparative method that allows comparing I. Gasprinsky's journalism with the materials of the Kazakh newspaper “Dala Ualayaty”. Discourse analysis allows us to identify key semantic contrasts, such as the juxtaposition of "tradition and seclusion" and "independent education," as well as the ways in which I. Gasprinsky used Sharia to justify women's rights. Content analysis allows us to divide the articles into three main categories: religious and legal, socio-demographic, and based on real-life examples. In the framework of Nira Yuval-Davis's gender theory, the image of a woman is understood as a symbol of collective identity. The main result of the study is a reinterpretation of how I. Gasprinsky constructed the image of a Muslim woman. It is important to recognize that he did not copy Western models of women's liberation but rather created his own image based on Islamic tradition, the practical benefits of women for society, and real-life stories. This approach allows us to break away from the stereotype of the "passive Eastern woman" and present her as an active participant in public life. The article fills a gap in the study of gender aspects in Jadid periodicals and shows how periodicals became a tool for reshaping social roles in traditional societies.

Keywords: Muslim woman; Jadidism; Ismail Gasprinsky; “Terjiman”; image of a woman; gender history; Sharia; female agency

© S. Sabyr, 2026

For citation: Sabyr S. Construction of the Image of a Muslim Woman on the Pages of the Newspaper "Terjiman" (1883-1890). *Gumilyov Journal of History.* 2026. Vol.156, no.3, pp.179-201. https://doi.org/10.32523/3080-129X--2026-156-3-179-201

“Терджиман” газетінің беттерінде мұсылман әйелі бейнесінің құрылымы (1883-1890 жж.)

С. Сабыр

Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Алматы, Қазақстан

Аңдатпа. Мақалада Исмаил Гаспринскийдің публицистикасында мұсылман әйелі бейнесінің тұтас талдауының болмауы мәселесі қарастырылады. И.Гаспринский 1883 жылы Бахчисарайда “Терджиман” газетін шығара бастаған. Оның ағартушылық, баспа және реформаторлық қызметіне арналған көптеген еңбектерге қарамастан, “әйелдер мәселесі” жеке зерттеу тақырыбына айналмады, ал 1883-1890 жылдардағы мақалаларды жүйелі түрде зерттеу жүргізілмеді. Тақырыптың өзектілігі И. Гаспринскийдің 1887-1890 жылдардағы публицистикалық мұрасының басым бөлігі орыс тілінде ғылыми айналымға тек 2019 жылы енгізілгендігімен анықталады. Бұл оның талдауына жәдидшіліктің гендерлік саясатын түсіну үшін ерекше мән береді және жәдидтік дискурс шеңберінде әйелдер мәселесін зерттеудің жаңа мүмкіндіктерін ашады. Талдаудың негізгі ұғымы ретінде бейнені құрастыру-яғни “Терджиман” газетінің мақалалары, жазбалары мен фельетондары арқылы дәстүрлі стереотиптерден де, батыстық үлгілерден де өзгеше әйел субъектілігінің жаңа моделінің қалай қалыптасқаны алынады. Мақаланың мақсаты И. Гаспринскийдің 1883-1890 жылдары “Терджиман” газеті беттерінде саналы түрде қалыптастырған мұсылман әйелінің тұтас бейнесін қайта жаңғырту. Зерттеудің методологиялық негізін дискурс-талдау, мазмұн-талдау, Нира Юваль-Дэвистің гендерлік тәсілі, сондай-ақ И. Гаспринскийдің публицистикасын қазақтың “Дала уалаяты” газетінің материалдарымен салыстыруға мүмкіндік беретін салыстырмалы әдіс құрайды. Дискурс-талдау негізгі мағыналық қарама-қайшылықтарды, мысалы “дәстүр мен жабықтықты”-“білім мен дербестікке” қарсы қоюды, сондай-ақ И. Гаспринскийдің шариғатқа жүгіну арқылы әйел құқықтарын негіздеу тәсілдерін анықтауға мүмкіндік береді. Мазмұн-талдау мақалаларды үш негізгі категорияға:діни-құқықтық,әлеуметтік-демографиялық және нақты мысалдарға негізделген бағыт бойынша бөлуге мүмкіндік береді. Нира Юваль-Дэвистің гендерлік теориясы аясында әйел бейнесі ұжымдық бірегейліктің символы ретінде түсініледі. Зерттеудің негізгі нәтижесі И. Гаспринскийдің мұсылман әйелі бейнесін құрастыруда нені негізге алғанын қайта қарастыру. Ол әйелдерді босатудың батыстық үлгілерін көшірмеген, өзіндік бейнені ислам дәстүріне, әйелдің қоғам үшін практикалық пайдасына және нақты өмірлік оқиғаларға сүйене отырып жасағанын түсіну маңызды. Мұндай тәсіл “пассивті шығыс әйелі” стереотипінен бас тартуға және оны қоғамдық өмірдің белсенді қайраткері ретінде танытуға мүмкіндік береді. Мақала жәдид мерзімді баспасөзіндегі гендерлік аспектілерді зерделеудегі олқылықты толтырады және мерзімді баспасөздің дәстүрлі қоғамда әлеуметтік рөлдерді қайта қарау құралына айналғанын көрсетеді.

Түйін сөздер: мұсылман әйелі; жәдидшілдік; Исмаил Гаспринский; “Терджиман”; әйел бейнесі; гендерлік тарих; шариғат; әйел агенттігі

Конструирование образа мусульманской женщины на страницах газеты “Терджиман” 1883-1890гг.

С. Сабыр

Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Алматы, Казахстан

Аннотация. В статье рассматривается проблема отсутствия целостного анализа образа мусульманской женщины в публицистике Исмаила Гаспринского, издававшего в Бахчисарае газету “Терджиман” с 1883 года. Несмотря на большое количество работ, посвященных его просветительской, издательской и реформаторской деятельности, “женский вопрос” не становился темой отдельного исследования, а систематическое изучение статей 1883-1890 годов не проводилось. Актуальность темы обусловлена тем, что значительный корпус публицистического наследия И. Гаспринского за 1887-1890 годы была введена в научный оборот на русском языке только в 2019 году, что придает его анализу особую значимость для понимания гендерной политики джадидизма и открывает новые возможности для изучения женского вопроса в рамках джадидского дискурса. Ключевым понятием анализа выступает конструирование образа, а именно: как через статьи, заметки и фельетоны газеты “Терджиман” выстраивалась новая модель женской субъектности, которая отличалась, как от традиционных стереотипов, так и от западных образцов освобождения женщин. Целью статьи является воссоздание целостного образа мусульманской женщины, который И. Гаспринский сознательно выстраивал на страницах газеты “Терджиман” в 1883-1890 годах. Методологическую основу исследования составляет комплекс методов: дискурс-анализ, контент-анализ и гендерный подход Ниры Юваль-Дэвис, а также сравнительный метод, позволяющий сопоставить публицистику И. Гаспринского с материалами казахской газеты “Дала уалаяты”. Дискурс-анализ позволяет обнаружить ключевые смысловые противопоставления, например, как “традицию и затворничество” – “образованию самостоятельности”, а также способы, благодаря которым И. Гаспринский через обращение к шариату обосновывал права женщины. Контент-анализ позволяет распределить статьи по трем основным категориям: религиозно-правовой, социально-демографической и основанной на реальных примерах. В рамках гендерной теории Ниры Юваль-Дэвис женский образ понимается как символ коллективной идентичности. Основным результатом исследования является переосмысление того, на чем И. Гаспринский основывал конструирование образа мусульманской женщины. Важно осознать, что он не копировал западные модели освобождения женщин, а создавал собственный образ, опираясь на исламскую традицию, практическую пользу женщины для общества и на реальные жизненные истории. Такой подход позволяет отказаться от стереотипа о “пассивной восточной женщине” и репрезентировать ее как активного деятеля общественной жизни. Статья заполняет пробел в изучении гендерных аспектов в джадидской периодике и показывает, как периодическая печать становилась инструментом пересмотра социальных ролей в традиционном обществе.

Ключевые слова: мусульманская женщина; джадидизм; Исмаил Гаспринский; “Терджиман”; образ женщины; гендерная история; шариат; женская агентность

Для цитирования: Сабыр С. Конструирование образа мусульманской женщины на страницах газеты “Терджиман” 1883-1890гг. *Gumilyov Journal of History.* 2026. Vol.156, no.3, c.179-201. https://doi.org/10.32523/3080-129X--2026-156-3-179-201

Введение

Образ мусульманской женщины долгое время конструировался через оппозиции: “активный Запад” – “пассивный Восток”, “просвещенный мужчина – угнетенная женщина”. Эта рамка превращала ее в главный признак отсталости. Пересмотр этого устоявшегося взгляда начался с появлением джадидизма – реформаторского движения среди мусульман Российской империи, которое на рубеже XIX-XX веков вступило за обновление образования, культуры и общественного быта. В джадидской публицистике образ мусульманской женщины нередко становился точкой приложения реформаторских идей, однако его внутренняя структура и риторические приемы, с помощью которых он создавался, до сих пор не стали предметом специального анализа. Основной фигурой джадидизма в “женском вопросе” является Исмаил Гаспринский (1851-1914 гг.) – основатель и издатель газеты “Терджиман” (“Переводчик”), выходившей в Бахчисарае с 1883 года. Именно данное издание стало главной трибуной для обсуждения женского образования, прав и социальной роли мусульманки в Российской империи. Согласно наблюдениям В.Ю. Ганкевича (Ганкевич 2001), труды И. Гаспринского содержат бесценные сведения о социальной структуре тюрко-мусульманского мира. Исследователь выделяет среди прочих тем так называемый “женский вопрос”, который, по его мнению, занимал в публицистике И. Гаспринского одно из центральных мест. Актуальность обращения к этой теме обусловлена тем, что сам И. Гаспринский считал просвещение женщины условием возрождения нации, то есть “женский вопрос” был для него не второстепенным, а центральным. Его основная идея, проходящая через все годы издания, заключается в том, что мусульманская женщина – не объект опеки, а субъект семейного права, естественный учитель нации и потенциальный общественный деятель, способный через воспитание детей сделать нацию более образованной и сильной. Турецкий исследователь Я. Акпынар (Akpınar 2004), посвятивший И. Гаспринскому свой фундаментальный труд, подчеркивал, что по степени влияния и служения народу “Терджиман” не знает себе равных в тюркском мире в конце XIX – начале XX веков (Сеитмеметова 2017:24). На страницах своего издания И. Гаспринский последовательно конструировал новый образ мусульманской женщины – образованной, нравственной, экономически активной и юридически дееспособной. Вопреки устойчивым стереотипам о “восточной пассивности” и “затворничестве”, эта позиция просветителя была далека от традиционных представлений.

“Женский вопрос” в понимании джадидов не сводился лишь к несправедливости или угнетению. Он включал три взаимосвязанные проблемы: право женщины на образование, которое джадиды считали обязательным по шариату, ее экономическую и юридическую самостоятельность в рамках семьи и общества, а также пересмотр традиционных ролей – от затворницы к грамотной матери и работнице. И. Гаспринский не просто призывал к переменам, а выстраивал развернутую аргументацию, опираясь на шариат, практическую пользу для семьи и общества и живые примеры мусульманок, уже проявивших себя в публичной сфере.

Однако в историографии джадидизма гендерная публицистика И. Гаспринского долгое время оставалась неизученной, исследователи сосредотачивались на реформе образования, языке и издательской работе просветителя, а его утверждение в пользу прав и образования мусульманской женщины либо упоминались вскользь, либо рассматривались как частный случай. Даже работы, специально посвященные

джадидской женской повестке, анализируют более поздний период – начало XX века или опираются на единичные статьи, не охватывая системно публицистику 1883-1890 годов.

Большая часть статей И. Гаспринского (2019), особенно за 1887-1890 годы, была введена в научный оборот на русском языке лишь в 2019 году, что делает их систематический анализ особенно актуальным. Именно процесс конструирования образа мусульманской женщины – какими риторическими средствами, доводами и примерами И. Гаспринский убеждал читателя – до сих пор не становился предметом отдельного исследования.

Данное исследование фокусируется не на содержании идей в статьях И. Гаспринского, а на способах их аргументации. Применение дискурс-анализа к статьям 1883-1890 годов позволяет реконструировать, из каких смысловых частей собирался образ "новой мусульманской женщины" и как эти части влияли на традиционное общество.

Целью исследования является осуществление критического анализа статей И. Гаспринского за 1883-1890 годы, реконструирующего образ мусульманской женщины, путем группировки статей по трем ключевым направлениям: религиозно-правовому, социально-демографическому и основанному на реальных примерах, тем самым создавая целостный образ мусульманской женщины, ломающий стереотип о ее пассивности.

Методология, методы и материалы

Теоретической основой исследования служит гендерный подход, разработанный Нирой Юваль-Дэвис (Yuval-Davis 2004), согласно которому женщина выступает символическим показателем коллективной идентичности. Применительно к публицистике И. Гаспринского это позволяет показать, что образ мусульманской женщины в газете "Терджиман" конструировался как символ новой, "просвещенной" общности – одновременно мусульманской, тюркской и лояльной российскому государству.

Общей методологической рамкой исследования является герменевтический подход. Он ориентирует на интерпретацию публицистических текстов И. Гаспринского не как нейтральных источников информации, а как смысловых конструктов, отражающих мировоззрение автора, его адресата и ценностные ориентиры эпохи. Герменевтика позволяет учитывать историко-культурный контекст, в котором создавались статьи, и выявлять не только явное содержание высказываний, но и их глубинные, подразумеваемые смыслы. Такой подход особенно важен для понимания того, как И. Гаспринский переопределял ключевые исламские понятия, такие как брак, калым, шариат, и адаптировал их к задачам женского просвещения.

Методологически герменевтическая рамка реализуется через два взаимодополняющих метода, как контент-анализ и дискурс-анализ. Контент-анализ, реализованный в форме тематической группировки, позволил систематизировать все отобранные тексты по трем ключевым направлениям аргументации: религиозно правовому – обоснование прав женщин через шариат, социально-демографическому – связь грамотности матери с процессом нации и направлению, основанному на реальных примерах, про женщин врачей, благотворительниц и ханшу Карабагскую. Таким образом, контент-анализ позволил выделить три основные группы обоснований, на которых И. Гаспринский конструировал образ мусульманской женщины.

В основе исследования лежит понимание, что газета "Терджиман" была не просто информационным изданием, а проектом формирования джадидской идеологии, где

образ мусульманской женщины сознательно конструировался, а не нейтрально отражал реальность. Поэтому центральным методом исследования является дискурс-анализ, позволивший выявить ключевые оппозиции, связываемые с образом мусульманской женщины, с одной стороны, традиция и затворничество, с другой – образование и способность действовать самостоятельно. Дискурс-анализ применяется для изучения того, как на страницах газеты формулируются высказывания о женщине, какие языковые приемы и метафоры использует И. Гаспринский для обоснования ее прав. Например, И. Гаспринский переопределяет значение ключевых понятий, таких как "калым" – не выкуп, а материальное вознаграждение, причитающееся женщине, а также он переопределяет границы допустимого через обращение к шариату.

Для выявления особенностей публицистической стратегии И. Гаспринского и ее места в общем тюрко-мусульманском дискурсе применяется сравнительный метод. Он позволяет сопоставить аргументацию И. Гаспринского с подходами к женскому вопросу в казахской дореволюционной периодике, в частности с публикациями в газете "Дала уалаяты". Сравнительный анализ строится на двух уровнях: во-первых, сопоставляются сами способы убеждения-эмоциональный, практический, юридический, во-вторых, сравнивается то, какой образ женщины создают авторы. Это позволяет выявить общие черты джадидского движения, региональные особенности, и главное, новаторство И. Гаспринского, заключавшееся в юридическом обосновании прав женщин через шариат.

Материалами исследования послужили статьи, заметки и фельетоны И. Гаспринского, опубликованные на страницах газеты "Терджиман" в 1883-1890 годы. Всего изучено 1327 статей, заметок и фельетонов, из которых 26 были отобраны для детального анализа. Отбор осуществлялся по следующим критериям: во-первых, в тексте должна была прямо упоминаться мусульманская женщина – ее права, образование, труд, социальное положение. Во-вторых, публикация должна была содержать не просто упоминание, а развернутое обоснование позиции автора. В-третьих, отбирались только те тексты, которые принадлежат самому И. Гаспринскому. Также в выборку вошли как большие программные статьи, так и короткие заметки и фельетоны, чтобы охватить все жанровое разнообразие газеты. Такой подход позволил собрать все значимые публикации И. Гаспринского по "женскому вопросу" и обеспечить полноту и достоверность реконструкции образа мусульманской женщины.

Таким образом, сочетание герменевтической рамки, гендерной теории Н. Юваль-Дэвис, контент-анализа, дискурс-анализа и сравнительного анализа обеспечило возможность не просто описать, но содержательно интерпретировать механизмы конструирования целостного образа мусульманской женщины, который И. Гаспринский сознательно создавал на страницах "Терджимана" в 1883-1890 годах.

Литературный обзор

Исмаил Гаспринский и его газета "Терджиман" неоднократно становились предметом исследований. Публицистика просветителя и ее "женский вопрос" привлекают внимание исследователей, начиная с конца XIX века. К настоящему времени достаточно полно изучены издательская деятельность И. Гаспринского, его роль в джадидизме, языковая политика и жанровое разнообразие газеты "Терджиман".

Основной вклад в эти направления внесли В.Ю. Ганкевич (Ганкевич 2001), подробно реконструировавший издательскую стратегию и биографию И. Гаспринского, И.А. Керимов

(Керимов 1999), систематизировавший публикации “Терджимана”, С. Сеитмеметова, Э. Абибуллаева (Сеитмеметова 2015), составившие каталог периодических изданий из его личной библиотеки, Ю.Б Османов (Османов 2014), исследовавший программные труды просветителя. Среди зарубежных исследователей выделяются Я. Акпынар (Akpınar 2004), подготовивший фундаментальное трехтомное издание сочинений И. Гаспринского (Гаспринский 2017), А. Халид (Khalid 1998) изучавший джадидизм в контексте империии.

Однако “женский вопрос” в публицистике И. Гаспринского долгое время оставался вто-ростепенным. Отдельные упоминания о положении мусульманки встречаются в работе А. Куркчи (Куркчи 1991), но они носят фрагментарный характер и не опираются на систематический анализ корпуса текстов. Лишь в последние годы появились специальные исследования Л. Давлетшиной (Давлетшина 2009), изучившей благотворительную деятельность мусульманских женщин в образовательной сфере, Л. Диниковой (Диникова 2013), рассмотревшей эмансипацию в просветительской деятельности, Э. Абибулаевой (Абибуллаева 2015), переводившей и анализировавшей очерки о женщинах, Н. Тихоновой (Тихонова 2016) посвятившей работы анализу религиозного дискурса в женском вопросе, С. Абдурамановой (Абдураманова 2018) обратившейся к очеркам “Кадынлар” и “Проблески культурного движения татар”, Л. Чубукчиевой (Чубукчиева 2014), изучавшей женский мир семьи Гаспринских, Г. Кушеновой (Kushenova 2025), проанализировавшим роль И. Гаспринского в женском движении. Однако и эти работы не дают целостного образа мусульманской женщины на материале публицистики 1883-1890 годов.

Источниковую базу данного исследования составляют статьи, заметки и фельетоны И. Гаспринского, опубликованные на страницах газеты “Терджиман” в 1883-1890 годах. Ранние публикации 1883-1886 годов включают статьи о брачном договоре, фельетоны о мусульманке-читательнице, заметки о спасении “падших” женщин. Публикации 1887-1890 годов охватывают педагогические статьи, материалы о женщинах врачах, положительных образах образованных мусульманок. Большая часть текстов 1887-1890 годов впервые введена в научный оборот.

Таким образом, настоящая статья впервые предлагает целостный анализ образа мусульманской женщины в газете “Терджиман” за 1883-1890 годы, восполняя пробел в изучении гендерных аспектов джадидской публицистики.

Результаты

В основе публицистической стратегии И. Гаспринского лежит последовательное переопределение статуса мусульманской женщины через обращение к шариату. Он не противопоставляет ислам “прогрессу” и не призывает к заимствованию европейских моделей освобождения женщины. Напротив, он утверждает, что именно в рамках исламского права мусульманская женщина уже обладает значимыми юридическими и имущественными правами и их нужно лишь признать и защищать. Анализ строится на выделении двух аспектов публицистики И. Гаспринского: риторических приемов, которыми он пользовался для убеждения читателя, и его содержательных взглядов на положение женщины в обществе.

Ключевая для этого аргумента статья “Известно, что у мусульман брак представляет главным образом гражданский договор …” (1883, №20) начинается с принципиального

определения. И. Гаспринский прямо заявляет: “брак-это гражданский договор, в коем одна сторона (женщина) обязуется за известное материальное вознаграждение (калым, мегр,кебин) сожительствовать с другой (мужской)” (Гаспринский 2017b:137). Выбор слов здесь не случаен. Во-первых, И. Гаспринский сознательно заменяет теологическое понимание брака как “таинства” или “божественного установления” на светскую категорию договора. Это позволяет ему говорить о правах и обязанностях сторон в юридическом, а не в морально-религиозном ключе. Во-вторых, он называет женщину “стороной” договора, а не его объектом. В традиционной патриархальной логике брак часто осмысляется как передача невесты от отца к мужу. И. Гаспринский же раскрывает эту логику так, что женщина сама “обязуется за вознаграждение”, тем самым он показывает ее субъектность и дееспособность. В-третьих, он подчеркивает, что калым – это не “выкуп” или “покупка” женщины, как часто трактовали европейские наблюдатели, а материальное вознаграждение, причитающееся лично женщине. Это имущественное право, а не знак ее “товарного статуса”. Здесь И. Гаспринский не просто говорит о калыме, а использует прием, где переворачивает привычное понимание, чтобы убедить читателя в том, что шариат содержит механизмы защиты женщины. Его основная мысль в том, что ислам дает женщине права, которые нужно лишь признать и защищать.

Однако сразу вслед за этим определением И. Гаспринский фиксирует проблему. Российское законодательство, признавая за мусульманами право заключать брак по шариату, изъяло “споры и иски, вытекающие из брачного договора мусульман, из ведения духовных властей” и передало их “компетенции общих судебных учреждений” (Гаспринский 2017b:138). На первый взгляд, это кажется справедливым: суд должен защищать права женщины. Но на практике, И. Гаспринский доказывает, что эта мера ведет к прямо противоположному результату. Почему? Он приводит три неразрешимых противоречия. Первый: брачный договор по шариату заключается устно, через доверенных лиц, без формальных письменных документов. В российском гражданском суде такой договор невозможно доказать. Женщина, чьи права нарушены, когда муж не выплатил оговоренное вознаграждение, не может предъявить никакого документального подтверждения. Второе: шариат разрешает брак для женщин с 13 лет, российское гражданское совершеннолетие наступает в 21 год. Суд отказывается признавать договор, заключенный “несовершеннолетней” по российским меркам, даже если по шариату она уже взрослая.

Восклицание автора: “судебные места не признают договор, совершенный несовершеннолетними в нарушение основных законов!” (Гаспринский 2017b:138) – фиксирует абсурд ситуации, женщина одновременно дееспособна по законам своей религии и недееспособна по законам государства. Третье противоречие – взаимоисключение решений разных судов. И. Гаспринский приводит нелепый случай: женщина может потерять право на вознаграждение по шариату, но, сумев его сохранить “неправильно с точки зрения религиозных постановлений”. Или, наоборот, по шариату ей положено, а гражданский суд отказывает. Одна и та же жизненная ситуация оценивается прямо противоположным образом в зависимости от того, какая судебная инстанция ее рассматривает.

Таким образом, И. Гаспринский не просто жалуется на несправедливость, а системно показывает, что формальное равенство перед законом является фактическим бесправием из-за несовместимости правовых систем. Из этого анализа И. Гаспринский делает важный вывод, что проблема не в шариате и не в том, что женщина якобы “бесправна” по исламу.

Проблема – в юридическом разрыве между двумя правовыми системами, который делает женщину уязвимой. Он не критикует российское законодательство в целом, а показывает конкретные, практические нестыковки, которые ведут к несправедливости.

В статье "Об уравнении наследственных прав женщин и мужчин" (1888, №31) И. Гаспринский развивает этот аргумент на материале наследственного права. Он сравнивает долю женщины в наследстве по российским законам и по шариату. По российским законам дочери выделяется лишь 1/14 недвижимого имущества и 1/8 движимого, жене 1/7 и 1/4 соответственно, а в боковых линиях женщина "вовсе не признается по закону наследницей" (Гаспринский 2019f:36). По шариату же-сестра получает ровно половину того, что получает брат. Жена в известных случаях наследует половину состояния мужа. Она наследует так же и в боковых линиях (там же). И. Гаспринский подчеркивает, что "увеличение наследственной доли женщин было бы актом величайшей справедливости, не говоря уже об экономическом значении вопроса". Но он не призывает к реформе российских законов. Вместо этого он демонстрирует, что шариат уже предоставляет женщине значительно более выгодное положение, чем европейские правовые системы того времени, которые только начинают обсуждать "уравнение прав". Этим сравнением И. Гаспринский показывает превосходство исламской нормы над российским законодательством, переворачивая колониальный стереотип о "варварском" Востоке. Его основная цель – доказать, что мусульмане не нуждаются в западных реформах, им достаточно вернуться к собственным религиозным нормам.

Третий элемент правового аргумента – защита женщины от насилия. В заметке "Вследствие старинных обычаев и условий быта похищения жен и невест" (1887, №7) И. Гаспринский проводит четкую границу между "похищение" при согласии девушки, и настоящим преступлением. "Когда уводится или похищается незамужняя женщина или девушка и при том без сопротивления с ее стороны – дело не имеет еще характера тяжелого преступления" (Гаспринский 2019c: 9). Но если женщина похищена "против ее воли или каким-либо обманным образом", особенно если она замужняя, или похищение совершено "ради совершения над нею гнусного насилия", то И. Гаспринский требует максимальной строгости: "шеригат мусульманский и закон государственный одинаково строго преследуют подобные насилия и преступления" (Гаспринский 2019c: 9). Примечательно, что он обращается и к шариату, и к российскому уголовному праву, показывая их совпадение в этом вопросе. Здесь И. Гаспринский не просто цитирует, а проводит четкую линию между обычаем и преступлением, используя шариат для оправдания защиты женщины. Он подчеркивает, что ислам не одобряет насилие, и тем самым отводит обвинения в "жестокости" мусульманских обычаев, одновременно призывая общество не терпеть преступников. Он также обращается к самому мусульманскому обществу: "Подобные преступники помрачают доброе имя всего мусульманского общества. Они не должны быть терпимы. Увезти девушку против ее воли не есть доблесть, а позор и подлость" (Гаспринский 2019c: 10). Это обращение к стыду и репутации общины представляет собой дополнительный риторический прием автора, направленный на формирование общественного неприятия подобных проявлений насилия.

Таким образом, в рамках религиозно-правового аргумента, И. Гаспринский реализует сложную риторическую стратегию. Он не нападает на традицию и не требует революционных изменений. Вместо этого он показывает, что шариат уже признает женщину субъектом права – стороной брачного договора, наследницей, личностью, защищенной от насилия. Проблема – в практической реализации этих прав в условиях

российской судебной системы. И. Гаспринский фиксирует правовую уязвимость женщины, возникающую на стыке двух правовых порядков, и предлагает конкретные, осторожные решения, например, признание решений духовного суда и исполнение их через полицию. Тем, самым И. Гаспринский в своих статьях в газете "Терджиман" через шариат легитимирует имущественные и личные права мусульманской женщины, но фиксирует их уязвимость в гражданском суде. Его критика направлена не против ислама и не против российского законодательства в целом, а против юридической нестыковки двух систем, которая превращает женщину в беззащитную сторону там, где по исламу она обладает четкими правами. Анализ показывает, что И. Гаспринский не просто ссылается на шариат, а применяет его нормы к реальным случаям, показывая их практическую значимость для защиты женщины. Он делает религиозные предписания понятными и убедительными через конкретные примеры.

В публицистике И. Гаспринского вопросы образования и женского труда неразрывно связаны, выстраивая последовательность, в которой женское образование служит залогом эффективного труда, а последний – необходимым условием прогресса нации. При этом просветитель не пускается в общие рассуждения о "правах женщин" и "эмансипации" в европейском духе. Вместо этого он исходит из реальной пользы для семьи и общества, что делает его позицию практически неуязвимой для критики со стороны патриархального общества.

Фельетон "Кое о чем" (1184, №19) задает тон всему этому направлению. Внешне небрежный, полный иронии и бытовых зарисовок, он содержит основную идею, который И. Гаспринский будет развивать на протяжении многих лет. Поводом служит незначительный, на первый взгляд случай, в городе Оса Пермской губернии некая мусульманка выписывает "Переводчик". Местные "правоверные" удивлены – женщина и газета. И. Гаспринский использует это недоумение, чтобы сделать принципиальное заявление: "Что же тут удивительного, господа? Разве вы забыли, "что наука одинаково обязательна для мусульманина и мусульманки" (священ[ное] изреч[ение]? Чтение есть преддверие науки" (Гаспринский 2017с: 215). В этих словах автора, можно выделить несколько основных моментов. Во-первых, И. Гаспринский ссылается на высший авторитет – сакральный текст, на изречение, которому нельзя возразить, не согрешив. Во-вторых, он связывает чтение, а именно "женское чтение!" не с чем-то опасным и запретным, а с наукой – категорией, освященной тем же исламом. Читающая женщина не нарушительница, а ее добросовестный исполнитель. Но самая основная мысль этого фельетона, и всей просветительской программы И. Гаспринского – звучит следом: "одна читающая грамотная девочка в десять раз полезнее такового мальчика, ибо девочка-будущая мать и естественный первый учитель своих детей" (Гаспринский 2017с: 215). Здесь И. Гаспринский меняет привычную логику, ведь в патриархальном обществе девочка второстепенна, ее образование – лишняя роскошь, а то и вред. И.Гаспринский же доказывает обратное, что девочка ценнее мальчика именно потому, что она станет матерью. Ее грамотность пойдет на пользу следующему поколению. Мальчик выучится, и вероятно, его знания останутся при нем. Девочка выучится и обучит своих детей. Таким образом, женское образование оказывается самым эффективным способом просвещения нации в целом. Это не благотворительность и не борьба за права женщин в западном смысле, а точный практический расчет, что грамотная мать воспитает грамотных детей, а значит, прогресс нации начинается с девочки. Автор завершает фельетон твердым утверждением: "Женщины должны читать, должны учиться" (Гаспринский 2017с: 215).

Эта фраза, не просто призыв, а итог всей его аргументации. И. Гаспринский превращает женское образование из желательного в обязательное. Он не говорит “хорошо бы” или “возможно”, он говорит “должны”. И это “должны” опирается не на общие рассуждения о справедливости, а на практическую необходимость, без грамотных женщин невозможен прогресс нации. Повторяя слово “должны” дважды, он подчеркивает, что чтение и учение неразделимы. Так, И. Гаспринский превращает частный случай в общее правило, которое не требует обсуждения.

Статья “По учебному делу” (1889, №31) развивает данную мысль автора, перенося его на конкретные территории. И.Гаспринский проводит резкую границу: в Крыму и Поволжье женское образование существует через мектебы при женах мулл, пусть и несовершенно. В Закавказье же, совсем иная и крайне неблагополучная картина. Здесь “вовсе не в обычае обучать девочек не только писать, но даже читать. Редко какая мусульманка разбирает молитвы и Коран, а для молений заучивает кое-что устно”(Гаспринский 2019g: 277). И. Гаспринский видит причину в том, что это не ислам, а наследие “древнего, домусульманского Ирана с его чрезвычайно унизительным взглядом на положение и права женщины” (Гаспринский 2019g: 277). Он отделяет чистый ислам от культурных наслоений, которые исказили его. Здесь автор специально отделяет чистый ислам от культурных наслоений, смешавшихся с верой.

Далее И. Гаспринский вновь ссылается на авторитет “великих улемов”, которые “давно призвали, что одна грамотная девочка принесет обществу более пользы, чем несколько мальчиков” (Гаспринский 2019g: 277-278). И снова объясняет это на первый взгляд противоречивое утверждение, что “грамотный мальчик, возмужав, редко кому передает свое умение, а девочка, сделавшись матерью и оставаясь большей частью среди детей, обыкновенно обучает их сама, особенно где нет мулл и мектебов. Наука и знание матери всегда для детей” (Гаспринский 2019g: 278). Здесь автор вводит понятие “естественного учителя”. Мать – первый учитель не по профессиональному выбору, а по факту рождения и воспитания. “Кто учит детей первым правилам жизни, кто учит их говорить? Мать и только мать” (Гаспринский 2019g: 278). Если мать безграмотна, она передает невежество. Если грамотна – передаст знание. Таким образом женское образование становится не “благом” для женщины, а тем, что определяет будущее нации. И. Гаспринский предвидит и опровергает главный традиционный довод: “невежественная толпа, по недомыслию своему, думает, что если обучать девочек, то это поведет к безнравственности; будут, мол, переписываться с любовниками!” (Гаспринский 2019g: 278). Автор называет это “смешным и жалким заблуждение” и предлагает это как “сведение к абсурду”: “даже допустим, что из тысячи женщин одна воспользуется пером для любовной записки… Разве из-за одной женщины надо ограничивать право тысячи других? Это все равно что из-за одной блохи сжечь всю постель!” (Гаспринский 2019g: 278). Данное рассуждение автора отличается прямотой, однако оказывается весьма убедительным для широкой аудитории. Боязнь того, что грамотность приведет к разврату, И. Гаспринский называет невежественным страхом.

Далее в статье “Труд мусульманки” (1887, №24), И. Гаспринский обращается к экономической стороне проблемы. Он высмеивает европейские стереотипы о “ленивой” и “бездеятельной” восточной женщине, указывая на то, что европейские наблюдатели смотрят “через одинаковые очки” и “измеряют Восток своим аршином” (Гаспринский 2019h: 158). Автор напоминает, что огромное число европейских женщин также никогда не выходят из дома, но их домашний труд никто не называет “бездельем”. Основная

мысль И. Гаспринского состоит в признании домашнего хозяйства полноценным экономическим трудом. “Мусульманка, как производительная единица, несет все труды по дому и хозяйству; она же окончательно приготовляет к потреблению или сбыту большую часть продуктов труда мужчины, уделяя достаточно времени на охранение и начальное воспитание всех будущих работников и работниц” (Гаспринский 2019h: 158-159). Он выделяет три функции: домашний труд, финальная обработка продуктов (по сути, переработка и подготовка к сбыту) и воспитание детей. Это не три разных занятия, а три составляющие одного комплекса. И. Гаспринский вводит понятие “разделения труда между мужчиной и женщиной”, которое в мусульманском мире “более определенно, чем где-либо” (Гаспринский 2019h: 158-159). Здесь нужно отметить, что И. Гаспринский не вступал в прямое противоречие с привычными нормами, а переосмысливал их, доказывая, что женский труд в домашнем хозяйстве приносит реальную экономическую пользу.

Таким образом, рассуждения И. Гаспринского о пользе женского образования опираются на три главных соображения. Первое – это то, что по шариату обучение обязательно и для женщин, и для мужчин. Второе – простой смысл в том, что если мать грамотна, она воспитывает просвещенных детей, а это ведет к прогрессу всей нации. Третье – признание домашнего труда и воспитания детей полноценной экономической деятельностью, а не пустым занятием. И. Гаспринский связывает женское просвещение не с освобождением ради самого освобождения, а с реальной пользой для семьи и общества. Именно поэтому его доводы убеждают даже консерваторов, он не разрушает традиционные роли женщины как матери, жены и хранительницы очага, а просто наполняет их новым содержанием. Быть хорошей матерью – значит быть грамотной, а быть грамотной – значит служить прогрессу своего народа.

В газете “Терджиман” И. Гаспринский также касается вопросов социальной защиты и новых профессий для женщин. Он не ограничивается общими рассуждениями, а приводит живые примеры про реальные ситуации, где мусульманки уже действуют как социально-активные субъекты в роли женщин-врачей, благотворительниц и ханши, а также предлагает практические способы для решения острых социальных проблем, таких как развитие проституции внутри женского мусульманского общества, защита сирот и борьба с бедностью.

Уже 7 февраля 1889 года (№5) И. Гаспринский публикует заметку “Допущение на будущее время женщин”. В заметке автор сообщает: “допущение на будущее время женщин к изучению медицины решено в принципе в утвердительном смысле, и в настоящее время вырабатываются главные основания для устройства специального института, где женщины могли бы изучать медицину” (Гаспринский 2019d: 48). При этом он отмечает, что практика будет разрешена “исключительно по женским и детским болезням” (Гаспринский 2019d: 48). И. Гаспринский не критикует это ограничение, он фиксирует сам факт как большой шаг вперед. Но ключевой является последняя фраза автора: “Было бы желательно, чтобы нашлись мусульманки, желающие изучить медицину” (Гаспринский 2019d: 48). За внешне осторожным пожеланием скрывается прямой призыв к действию, он не просто информирует читателей о решении властей, а обращается к мусульманскому обществу с призывом, что государство открыло возможность, теперь дело за самими женщинами и их семьями. Это короткая заметка служит важным сигналом для мусульманского общества, являясь призовом к действию. Позже так же в заметках 1889 года И. Гаспринский не просто приветствует появление женщин-врачей, а уже пытается влиять на конкретные решения. В заметках “Бахчисарай”

от 23 февраля 1889 года (№7) он описывает, как Городская Дума "из-за несчастных 500 руб." решила прекратить выдачу содержания женщине-врачу (Гаспринский 2019a: 50). И. Гаспринский не просто негодует, он приводит весомое возражение, что мусульманки "очень неохотно обращаются к медику-мужчине". Речь идет не о равноправии на бумаге, а о практической доступности медицинской помощи для половины населения города. Он также указывает на нелогичность Думы, которая нашла 20 тысяч рублей на постройку новой управы, но экономит 500 рублей на женском здоровье. Через неделю, 3 марта (№8), И. Гаспринский с удовлетворением сообщает, что жители подали прошение с просьбой не прекращать выплаты, и выражает надежду, что гласные "сойдутся с желанием общества" (Гаспринский 2019a: 51). Еще через неделю, 10 марта (№9), он фиксирует, что "значительная часть гласных подали заявление о назначении экстренного заседания" и хвалит их готовность "исправить ошибку предыдущего заседания" (Гаспринский 2019a:52). Это короткая серия заметок – прекрасный пример публицистики действия, И.Гаспринский не просто фиксирует факт, но отслеживает реакцию, поддерживает общественную инициативу, публично хвалит тех, кто исправляет ошибки.

Спустя больше года, 1 июня 1890 года (№ 19), И. Гаспринский снова возвращается к теме женщин-врачей. Он пишет заметку о девице Разие Ханум Кутляровой – первой мусульманке в России, которая решила изучать медицину. Он сообщает, что она временно находится в Бахчисарае и приглашает местных мусульманок навестить ее в доме Измаил мурзы, где помещается контора "Переводчика". И. Гаспринский не просто информирует читателей, он сознательно создает пример для подражания: "Дай Бог, чтобы этот первый пример вызвал подражания" (Гаспринский 2019b: 102). Здесь женщина-врач предстает не как вымышленный образ, а как живая, доступная для общения "ученая сестра". Автор подчеркивает, что мусульманки могут сами прийти и убедиться, что женщина-врач – это реально, это рядом, это не страшно. Таким образом, он не только защищает уже работающих женщин-врачей от увольнения, но и показывает пример, которому могут следовать другие. Здесь И. Гаспринский обращается к образу реальной женщины, а не вымышленному. Так он доказывает, что профессия врача доступна и приносит пользу. Женщина-врач здесь не просто символ женской свободы, а необходимая профессия в обществе.

Примером живой, действующей женщины в газете "Терджиман" становится и Хуршид Бану Ханым – героиня очерка "Ханша Карабагская" (1888, №40). Это портрет реальной женщины из аристократической среды. Хуршид Бану Ханым – дочь последнего карабагского хана, "женщина лет под пятьдесят, пользующаяся громадным влиянием среди татар и армян" (Гаспринский 2019i:382-383). И. Гаспринский подчеркивает ее образованность – "бойко владеет персидской речью и пером", ее богатства – громадные имения в пяти уездах и что важнее всего, ее общественную деятельность: "Она устроила водопровод в г. Шуше, на что издержала около ста тысяч руб." (Гаспринский 2019i: 383). Здесь И. Гаспринский не случайно выбирает именно этот образ. Во-первых, это не благотворительность в традиционном смысле раздачи милостыни, а важное дело для всех горожан – строительство водопровода. Во-вторых, И. Гаспринский также отмечает, что ханша успешно взаимодействует с императорской семьей, что доказывает ее политическую грамотность и дипломатические способности. В-третьих, И. Гаспринский акцентирует ее образование и светскость, тем что она владеет персидской речью и пером, что делает ее образ современным и просвещенным. Образ ханши – прямое опровержение стереотипа о "затворнице" и "необразованной" мусульманке. Более того, И. Гаспринский показывает женщину, которая ведет общественные дела, влияет на

общество и взаимодействует с властью.

Наряду с такими яркими образами, как ханша Карабагская, И. Гаспринский не обходит молчанием и сложные социальные пороки общества. Две его статьи - "Доброе дело" (1886, №41) и "Мусульманская проституция" (1889, №38) показывают другую сторону его подхода, он не только восхищается удачными примерами, но и готов разбирать острые проблемы общества, а также предлагать способы их решения. В "Добром деле" он описывает системные меры против проституции. Собрали 200 женщин, ахун обратился к ним с речью, а затем "присутствующим было предложено выбрать себе жен из кающихся грешниц". Один из богатых местных купцов господин Ахмед Галлиев пожертвовал каждой паре по 30 рублей. В результате "в течение десяти дней изъято из омута порока и разгула до 200 мусульманок, устроившихся довольно хорошо" (Гаспринский 2017a: 322-323). И. Гаспринский не идеализирует этот метод, брак как "спасение", но подчеркивает главное: "Совет без длительной помощи всегда мало помогает" (Гаспринский 2017a: 322-323). Здесь важен не столько способ в виде женитьбы, сколько сам принцип, что община не отвернулась от тех, кто попал в беду, а взяла на себя ответственность, обеспечила материально и дала шанс на новую жизнь. Автор восклицает: "Браво, оренбургские мусульмане, доброе дело вы сделали!" (Гаспринский 2017a: 322-323), – и призывает общества Ташкента, Казани и Баку последовать их примеру.

Следующая статья "Мусульманская проституция" (1889, №38) более аналитическая. И. Гаспринский начинает с констатации факта, что 15-20 лет назад профессиональной проституции среди мусульман не было, теперь она появилась в Казани, Оренбурге, Ташкенте, Баку. Он подчеркивает, что это "нисколько не умаляет целомудрия и нравственности мусульман вообще" (Гаспринский 2019e: 289), и предлагает искать причины не во всеобщей безнравственности, а в особых условиях таких как, сиротство, бедность, беспомощность. Он описывает механизмы вовлечения, сироты-татарки, сартянки, киргизки, а также специфику "работы проституток-мусульманок, что они неохотно принимают мусульман, вне притонов соблюдают правила затворничества" (Гаспринский 2019e: 289). Но главное, что он предлагает решение, как "Попечение общества о сиротах и бедных женщинах; увещания нашей молодежи не поощрять развитие национального зла... значительно предотвратило бы дальнейший рост мусульманской проституции, ибо она питается главным образом кровью и деньгами наших же детей" (Гаспринский 2019e: 289). И. Гаспринский не призывает к карательным мерам, а обращается к общественной помощи через создание приютов и благотворительных обществ к воспитанию мужской молодежи. Он снова и снова возвращается к мысли, что проблема имеет социально-экономическую природу, и решать ее нужно не наказанием, а помощью.

Таким образом, на страницах газеты "Терджиман", в статьях И. Гаспринского образ мусульманской женщины строится не на европейских представлениях об освобождении, а на основах исламской традиции, где женщина – это не бесправный человек, а личность, которая по законам шариата имеет свои права, обязана получать образование, своим трудом приносить пользу семье и обществу и способна овладеть любой нужной профессией – от врача до учительницы или общественной деятельницы.

Женский вопрос на страницах "Дала уалаяты" и "Терджимана": сравнительный анализ

С целью определения особенностей и новаторства публицистической тактики И. Гаспринского и ее места в общем тюрско-мусульманском дискурсе о положении женщины

обратимся к сравнению с материалами казахской дореволюционной периодики, к частности с публикациями в газете "Дала уалаяты" ("Киргизская степная газета", 1888-1902 гг.). Это издание, официально являвшееся приложением к "Акмолинским областным ведомостям", на своих страницах предоставляло место и для публикаций казахских просветителей.

Для сравнительного анализа с публицистикой И. Гаспринского были выбраны две статьи из газеты "Дала уалаяты", где женский вопрос поднимается по-разному. В серии статей "Печальное положение современной киргизской женщины" О. Альжанов критикует существующие обычаи, а М. Копеев в статье "Баян-аул" предлагает конкретные пути к просвещению. Эти источники позволяют увидеть, как проблема женского бесправия осознавалась в казахской интеллектуальной среде, и сравнить эти подходы с позицией И. Гаспринского.

В серии статей "Печальное положение современной киргизской женщины" (1894, №33-35) Отыншы Альжанов строит публицистическое высказывание, основанное на эмоциональном обличении и обращении к народному голосу. Главным образом статьи становится женщина-жертва, лишенная голоса и прав. О. Альжанов пишет: "Киргизы усвоили себе воззрение на своих женщин не как на существа разумные…а как на существа низшие, сотворенные Аллахом для удовлетворения известных потребностей" (Альжанов 1989: 597). Женщина описывается как "безгласное и бесправное существо", а брак – как "акт произвола" и "человеческий торг", где калым превращается в плату за "живой товар" (Альжанов 1989: 597-598). О. Альжанов намеренно использует слова из области купли-продажи, как "продают", "торг", "калым", чтобы показать, что в традиционном сознании женщина лишена человеческого достоинства и приравнена к вещи. Его главный прием в том, что он использует народные песни в тексте статьи. Он не просто описывает страдания, он дает голос самим женщинам. В приводимых песнях звучат мотивы безысходности и отчаяния: "Нас, женщин, презирают, нас, женщин, продают" (Альжанов 1989:598). "О, Аллах! Зачем ты дал нам жизнь? Лучше нам лежать в могиле" (Альжанов 1989: 599). Эти песни выполняют документальную роль, выступая как живые свидетельства, эмоциональную роль – создают чувство непосредственного сопереживания и роль описания повседневной жизни, раскрывая детали традиций и обычаев. О. Альжанов намеренно сгущает краски, чтобы потрясти читателя и побудить в нем сострадание. Его способ убеждения строится на противопоставлении двух миров: мира "грубой физической силы" и мира "сильного ума", который дает просвещение. Он пишет: "Непросвещенный человек…имеет возможность достигнуть превосходства над кем-либо только путем грубой физической силы…С течением времени, когда умственная сила народа под влиянием просвещения начинает развиваться, тогда уважение к сильному кулаку сменяется уважением к сильному уму (Альжанов 1989: 604). Это логическая цепочка подводит к главному выводу: жестокость по отношению к женщине есть следствие невежества, а освобождение женщины возможно только через просвещение.

Сравнение с публицистическим подходом И. Гаспринского позволяет выявить главное различие. Оба автора видят проблему положения женщины как острую социальную драму. Однако способы доказательства существенно различаются. И. Гаспринский строит свою аргументацию на обращении к шариату и юридическим нормам. Он доказывает, что исламское право уже признает женщину самостоятельной стороной брачного договора, наследницей и личностью, защищенной от насилия. Его подход –

реформаторско-юридический, где он ищет законные пути изменения положения внутри самой исламской традиции, не вступая в открытый спор с традиционным обществом. О. Альжанов, напротив, выбирает обличительно-эмоциональный путь. Он не ссылается на религиозные нормы и не предлагает юридических решений. Его задача – потрясти и пробудить сочувствие, показать страдания женщины как результат "дикости" "невежества". Он связывает освобождение женщины исключительно с просвещением и отказом от "варварских" обычаев, но не показывает, как именно это просвещение может быть оправдано в рамках существующей традиционной системы.

Если смотреть на тексты с точки зрения языка и построения доводов, О. Альжанов создает образ женщины как пассивной жертвы, лишенной способности действовать самостоятельно. Женщина в его тексте – это объект страдания, а не субъект действия. И. Гаспринский, напротив, создает образ женщины как субъекта права, способного к действию и обладающего юридической дееспособностью. Различие подходов авторов, скорее объясняется разными читателями: О. Альжанов обращается к русскоязычной администрации и просвещенной публике, стремясь вызвать сочувствие и вмешательство "сверху", И. Гаспринский обращается к мусульманскому обществу, стремясь убедить его в том, что перемены не противоречат исламу, а вытекают из него. Именно данное законное обоснование через шариат и стало новым словом И. Гаспринского, отличающим его от других публицистов.

Иной подход представляет статья М. Копеева "Баян-аул" (1890, №6-7). М. Копеев – просветитель-практик, который не просто критикует, но и предлагает конкретные пути изменения. В отличие от О. Альжанова, сосредоточенного на обличении страданий, М. Копеев выступает как сторонник практических реформ. В своей статье он прямо заявляет, что "Образование необходимо как для мужчины, так и для женщины. По моему мнению, оно более необходимо для женщин вообще и наших в частности" (Копеев 1994: 120-121). Этот тезис он подкрепляет развернутым аргументом: "Если судить по разуму, то для женщины учение более необходимо, ибо на ней лежит обязанность семейная и в ее руках воспитание молодого поколения" (Копеев 1994: 121). Здесь почти дословно воспроизводится ключевая идея И. Гаспринского о женщине как "естественном учителе" нации. Оба автора сходятся в том, что образование женщины – это не благотворительность, а необходимое условие прогресса, поскольку именно мать передает детям нравственные основы и первоначальные знания.

М. Копеев использует народные пословицы как инструмент убеждения, но иначе, чем О. Альжанов включает песни, чтобы показать страдания, то М. Копеев обращается к пословицам как к носителям народной мудрости, подтверждающей его доводы. Он приводит пословицу: "Хорошие дети обязаны хорошей матери"(Копеев 1994: 121) и комментирует: "Значение матери громадное". Другая пословица "Что видел в гнезде, то и берет" (Копеев 1994: 121) – подчеркивает роль семейной среды в воспитании. М.Ж. Копеев также пишет: "Жену приучай сначала – дитя с молодости"(Копеев 1994: 121), призывая следовать этим старым изречениям, которые, по его мнению, не утратили своей силы. Таким образом, М.Ж. Копеев не отвергает народную традицию, а выбирает из нее элементы, которые можно использовать для обоснования реформ.

Особое место в статье М. Копеева занимает критика калыма и произвольных браков. Он пишет: "Действующий у нас калымный обычай кажется неудовлетворительным, нецелесообразным, ибо очень часто не бывает взаимного согласия сочетающейся пары. Такое несогласие нередко бывает причиной зла" (Копеев 1994: 121). Он предлагает

реформировать брачные отношения через взаимное согласие: “Необходимо лучше поставить брачное дело, не сочетать молодых людей произвольно…Очень желательно не обручать их в очень молодых годах; пусть они достигают юношеского возраста. Тогда они сами могут сойтись по желанию, влечению сердец” (Копеев 1994: 121). М.Ж. Копеев, как и И. Гаспринский, не призывает к разрушению традиции, а предлагает ее осмысленное реформирование изнутри. Однако он обосновывает свои предложения не через шариат, а через здравый смысл и практическую пользу, обращаясь к разуму и народной мудрости.

Сравнение данных публикаций позволяет выявить как общие черты, так и различия. Все три автора видят проблему положения женщины как общую социальную трагедию. Однако способы аргументации существенно различаются. М. Копеев создает образ женщины как воспитательницы и нравственной опоры семьи. В отличие от О. Альжанова, который показывает женщину как пассивную жертву, М. Копеев видит в ней потенциальную силу, способную изменить будущее нации через воспитание детей. Однако, в отличие от И. Гаспринского, он не наделяет женщину юридической субъектностью, не говорит о ее правах как самостоятельной стороны брачного договора или наследницы. М. Копеев остается в рамках просветительского дискурса, где женщина ценна как мать, а не как личность с собственными правами. И. Гаспринский же доказывает, что женщина имеет права не только как мать, но и как человек перед законом. Здесь важно отметить, что оба подхода были действенны, но адресованы разной аудитории: И. Гаспринский – консервативным мусульманам, для которых религиозный аргумент был важным, а М. Копеев обращался к более светской, практичной аудитории, для которой убедительными были доводы, основанные на здравом смысле и жизненном опыте. Таким образом, все три автора предлагали разные, но при этом дополняющие друг друга способы решения женского вопроса в рамках общей джадидской традиции. О. Альжанов делал проблему зримой через описание страданий, М. Копеев придавал ей практическую значимость, а И. Гаспринский придавал ей юридическую и религиозную легитимность. Новаторство И. Гаспринского заключалось в том, что он создал язык убеждения, который был понятен и приемлем для традиционного общества.

Таким образом все три подхода важны и взаимодополняют друг друга, сочетание этих трех подходов и составляло силу джадидского движения в целом, но именно юридическое обоснование через шариат стало уникальным вкладом И. Гаспринского в общее дело.

Обсуждение

В историографии, посвященной Исмаилу Гаспринскому и его газете “Терджиман”, долгое время доминировал взгляд, акцентирующий его роль как реформатора образования, публициста и идеолога джадидизма. В работах Я. Акпынара, И. Керимова, В. Ганкевича и С. Сеитмеметовой детально проанализированы издательская стратегия И. Гаспринского, его борьба за обновление мектебов и медресе, а также язык и жанровое разнообразие его публицистики. Однако "женский вопрос" в этих исследованиях оставался в тени, как маленькая часть его просветительской деятельности, не имеющая самостоятельной ценности.

Ярким примером является тот факт, что даже в работах, специально посвященных реформам И. Гаспринского в области образования, упоминаются вскользь его призывы обучать девочек, а его статьи о брачном договоре, наследственных правах, проституции

и женщинах врачах практически не становились предметом самостоятельного анализа. Как отмечает С. Сеитмеметова, ранняя публицистика И. Гаспринского 1879-1886 годов долгое время была “обделена вниманием исследователей”, а ее текстологическая обработка началась только в последние годы. Что касается поздних работ 1887-1890, то большая часть вошедших в него материалов была переведена на русский язык и введена в научный оборот только в 2019 году. Поэтому систематический анализ образа мусульманской женщины в публицистике И. Гаспринского фактически отсутствует.

Хотя систематических данных о читательской реакции на статьи И. Гаспринского о женщинах не сохранилось, отдельные косвенные свидетельства позволяют предположить, что его публицистика находила отклик у разных групп читателей. Прежде всего, об этом говорит сам факт многолетнего издания газеты, если бы "женский вопрос" вызывал неприятие читателей, И. Гаспринский вряд ли бы возвращался к ней на протяжении восьми лет на страницах газеты “Терджиман”. Кроме того, в его заметках встречаются упоминания о письмах читателей: например, в фельетоне “Кое о чем” (1884 г.) он использует случай с мусульманкой, выписывающей газету, как доказательство того, что интерес к просвещению существует и среди женщин. В заметке о Бахчисарайской думе (1889 г.) И. Гаспринский с удовлетворением сообщает, что жители подали прошение с просьбой не прекращать выплаты женщине-врачу, – это свидетельствует о поддержке его идей местным обществом. Факт публикаций статей о женщинах-врачах, женщинах заинтересованных в просвещении и ханше Карабагской, а также активное включение И. Гаспринского в общественные дискуссии подтверждают, что его публицистика была не монологом, а частью живого общественного диалога.

В последние годы в гуманитарных науках усиливается критическое внимание к тому, как гендерные образы конструируются в рамках национально-просветительских проектов. Согласно подходу Ниры Юваль-Дэвис, женщины часто выступают не просто участницами, но и символическими показателями коллективной идентичности, границ национального сообщества, что делает ее центральным элементом национальной символики. Особенно важно, что исследователи все чаще отказываются от бинарности “традиция-модернизация”, “западная эмансипация-восточная пассивность”, и вместо этого анализируют, как местные интеллектуалы используют ресурсы собственной культурной традиции для обоснования новых ролей женщины.

Таким образом эти наблюдения могут быть методологически полезны для анализа статей И. Гаспринского, где шариат выступает не как препятствие, а как главный аргумент в пользу женских прав и является важным постулатом для данной статьи.

Заключение

Исмаил Гаспринский на страницах “Терджимана” создал не просто набор разрозненных заметок о женщинах, а целостный публицистический образ. Мусульманка в его изображении – не затворница и не “тень мужа”, а образованная, юридически дееспособная, нравственная и социально активная личность. В основе этого образа лежат три главных составляющих: шариатское обоснование прав, практическая польза образования через материнство и конкретные примеры женщин-врачей и благотворительниц. Этот образ опережал свое время, но именно он лег в основу последующего женского движения среди тюрко-мусульманских народов России. При этом необходимо отметить ограничение: И. Гаспринский не поднимает вопрос о политических правах женщин,

вопрос избирательного права или участие в управлении; его освобождение женщин остается культурной и образовательной, что было характерно для джадидского дискурса в целом. Перспективой дальнейшего исследования может стать сравнение публицистики И. Гаспринского 1880-1890-х годов с материалами его дочери Шефики в журнале "Алеми Нисван"(1905 и позже), где, как отмечает Г. Кушенова, женский вопрос получил уже более радикальное звучание.

Acknowledgments

I express my sincere gratitude to the anonymous reviewers for their valuable comments and suggestions, and to the editorial team for the professional support provided in the preparation of this article.

Алғыс білдіру

Мақала авторының жұмысын дайындауда көрсеткен кәсіби қолдауы үшін редакцияға, сондай-ақ құнды ескертулері мен ұсыныстары үшін аноним рецензенттерге шын жүректен алғысымды білдіремін.

Благодарность

Выражаю благодарность анонимным рецензентам за ценные замечания и предложения, редакции за профессиональное сопровождение авторской статьи.

Список литературы

Khalid A. *The politics of Muslim cultural reform: Jadidism in Central Asia.* University of California Press. 1998. 335 p.

Kushenova G., Drozd R., Abdraimov Y. The issue of women's equality in the intellectual legacy of Turkism: a historical cultural analysis (late 19th – early 20th century. *Bulletin of the Karaganda university History Philosophy series.* 2025. Vol.117, no.1, pp.7-22. https://doi.org/10.31489/2025hph1/7-22.

Yuval-Davis N. *Gender and Nation.* London: SAGE. 2004. 157 p.

Akpınar Ya. *İsmail Gaspıralı, Seçilmiş Eserleri. Fikri Eserleri*. İstanbul: Ötüken. 2004. 422 p.

Абибуллаева Э. Роль женщины в видении Исмаила Гаспринского (перевод на русский язык очерка И. Гаспринского "Женщины"). *Крымское историческое обозрение.* 2015. No.1, с.216-231.

Абдураманова С. "Женский вопрос" в очерках "Кадынлар" и "Проблески культурного движения татар" И. Гаспринского. *Вопросы крымско-татарской филологии, истории и культуры.* 2018. No.5, с.207-211.

Альжанов О. Печальное положение современной киргизской женщины. *Киргизская степная газета: литературные образцы: 1888-1894.* Сост. У. Субханбердина. Алма-Ата: Гылым. 1989. С.596-604.

Ганкевич В.Ю. *На службе правде и просвещению: Краткий библиографический очерк Исмаила Гаспринского (1851-1914).* Симферополь: Доля. 2001. 328 с.

Гаспринский И. Полное собрание сочинений в 3 т. Т.2. *Ранняя публицистика: 1879-1886 гг.* Гл. ред. Р.С. Хакимов; сост. С.А. Сеитмеметова. Казань; Симферополь: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ. 2017. 384 с.

Гаспринский И. *Доброе дело.* Полное собрание сочинений в 3 т. Казань; Симферополь: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ. 2017а. Т.2. С.322-323.

Гаспринский И. *Известно, что у мусульман брак представляет главным образом гражданский договор.* Полное собрание сочинений в 3 т. Казань; Симферополь: Институт истории

им. Ш. Марджани АН РТ. 2017b. Т.2. С.137-140.

Гаспринский И. *Кое о чем. Полное собрание сочинений в 3 т.* Казань; Симферополь: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ. 2017c. Т.2. С.213-215.

Гаспринский И. Полное собрание сочинений в 3 т. *Т. 3. Публицистика: 1887-1890 гг.* Гл. ред. Р.С. Хакимов; сост. С.А. Сеитмеметова. Казань; Симферополь: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ. 2019. 560 с.

Гаспринский И. Бахчисарай. *Полное собрание сочинений в 3 т. Казань;* Симферополь: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ. 2019a. Т.3. С.50–52.

Гаспринский И. В настоящее время в Бахчисарае временно пребывает девица Разие ханум. *Полное собрание сочинений в 3 т. Т.3.* Казань; Симферополь: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ. 2019b.

Гаспринский И. Вследствие старинных обычаев и условий быта похищения жен и невест. *Полное собрание сочинений в 3 т.* Казань; Симферополь: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ. 2019c. Т.3. С.9–10.

Гаспринский И. Допущение на будущее время женщин. *Полное собрание сочинений в 3 т. Т.3.* Казань; Симферополь: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ. 2019d.

Гаспринский И. Мусульманская проституция. *Полное собрание сочинений в 3 т.* Казань; Симферополь: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ. 2019e. Т.3. С.288-289.

Гаспринский И. Об уравнении наследственных прав женщин и мужчин. *Полное собрание сочинений в 3 т.* Казань; Симферополь: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ. 2019f. Т.3. С.36-37.

Гаспринский И. По учебному делу. *Полное собрание сочинений в 3 т.* Казань; Симферополь: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ. 2019g. Т.3. С.277-278.

Гаспринский И. Труд мусульманки. *Полное собрание сочинений в 3 т.* Казань; Симферополь: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ. 2019h. Т.3. С.158-159.

Гаспринский И. Ханша Карабагская. *Полное собрание сочинений в 3 т.* Казань; Симферополь: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ. 2019i. Т.3. С.382-383.

Давлетшина Л. Ш. Благотворительная деятельность мусульманских женщин в образовательной сфере. *Ученые записки Казанского государственного университета.* 2009. No.2(2), с.106-110.

Диникова Л. Ш. Проблема женской эмансипации в просветительской деятельности И. Гаспринского. *Культура и цивилизация.* 2013. No.5-6, с.9-18.

Керимов И.А. *Гаспринскийнинъ "джанлы" тарихи 1883-1914 (къырымтатар тили, эдебияты ве медениетинден малюмат дестеги)*. Акъмесджит: Тарпан. 1999. 408 с.

Киргизская степная газета: Человек, общество, природа: 1888-1902. Сост. У. Субханбердина. Ин-т литературы и искусства им. М.О. Ауэзова. Алматы: Гылым. 1994. 814 с.

Копеев М. Баян-аул. *Киргизская степная газета: Человек, общество, природа: 1888-1902.* Сост. У. Субханбердина. Ин-т литературы и искусства им. М. Ауэзова. Алматы: Гылым. 1994. С.18-122.

Куркчи А. Исмаил бей Гаспринский. *Дружба народов.* 1991. No.12.

Османов Ю.Б. *Просветитель Востока Исмаил Гаспринский.* Симферополь: Бизнес-Информ. 2014. 312 с.

Периодические издания личной библиотеки Исмаила Гаспринского в собрании Бахчисарайского музея-заповедника. Сост. С.А. Сеитмеметова, Э.Э. Абибуллаева. Симферополь: ДОЛЯ. 2015. 176 с.

Сеитмеметова С.А. *Раннее творчество Исмаила Гаспринского: первые шаги в публицистике (1879-1886 гг.). В*ступ. ст. Гаспринский И. Полное собрание сочинений в 3 т. Т.2. Ранняя публицистика: 1879-1886 гг. Казань; Симферополь: Институт истории им. Ш. Марджани АН

РТ. 2017. С.7-28.
Тихонова Н.Е. *Исмаил Гаспринский и его противоевразийские идеи: дисс. магистра гум. наук.* Санкт-Петербург. 2016. 111 с.
Чубукчиева Л.З. Женский вопрос в идеологии джадидизма. *Эхо веков.* 2014. No.1(2), с.44-51.

References

Khalid A. *The politics of Muslim cultural reform: Jadidism in Central Asia*. University of California Press. 1998. 335 p. (In English)
Kushenova G., Drozd R., Abdraimov Y. The issue of women's equality in the intellectual legacy of Turkism: a historical cultural analysis (late 19th – early 20th century. *Bulletin of the Karaganda university History Philosophy series.* 2025. Vol.117, no.1, pp.7-22. https://doi.org/10.31489/2025hph1/7-22 (In English)
Yuval-Davis N. *Gender and Nation.* London: SAGE. 2004. 157 p. (In English)
Akpınar Ya. *Ismail Gaspirali, Selected Works. Intellectual Works.* Istanbul: Ötüken. 2004. 422 p. (In Turkish)
Abibullaeva E. Rol' zhenshchiny v videnii Ismaila Gasprynskogo (perevod na russkiy yazyk ocherka I. Gasprynskogo "Zhenshchiny"). *Crimean Historical Review*. 2015. No.1, pp.216–231. (In Russian)
Abduramanova S.N. "Zhenskiy vopros" v ocherkakh "Kadynlar" i "Probleski kul'turnogo dvizheniya tatar" I. Gasprynskogo*. Issues of Crimean Tatar Philology, History, and Culture*. 2018. No.5, pp.207-211. (In Russian)
Alzhanov O. "*Pechal'noe polozhenie sovremennoy kirgizskoy zhenshchiny". Kirgizskaya stepnaya gazeta: literaturnye obraztsy, 1888-1894.* Ed. U. Subkhanberdina. Alma-Ata: Gylym. 1989. Pp.596-604. (In Russian)
Chubukchiyeva L.Z. Zhenskiy vopros v ideologii dzhadidizma. *The echo of centuries.* 2014. No.1(2), pp.44-51. (In Russian)
Davletshina L.Sh. Blagotvoritel'naya deyatel'nost' musul'manskikh zhenshchin v obrazovatel'noy sfere. *Scientific notes of Kazan State University.* 2009. No.2(2), pp.106-110. (In Russian)
Dinnikova L.Sh. Problema zhenskoy emansipatsii v prosvetitel'skoy deyatel'nosti I. Gasprynskogo *Culture and civilization*. 2013. No.5-6, pp.9-18. (In Russian)
Gasprynskiy I. Polnoye sobraniye sochineniy: v 3 t. T. 2. Rannyaya publitsistika: 1879–1886 gg. Ed. R.S. Khakimov; comp. S.A. Seitmemetova. Kazan; Simferopol: *Institute of History named after Sh. Marjani of the Tatarstan Academy of Sciences*. 2017. 384 p. (In Russian)
Gasprynskiy I. Dobroye delo. Polnoye sobraniye sochineniy v 3 t. Kazan; Simferopol: *Institute of History named after Sh. Marjani of the Tatarstan Academy of Sciences.* 2017a. Vol.2. Pp.322-323. (In Russian)
Gasprynskiy I. *I*zvestno, chto u musul'man brak predstavlyayet glavnym obrazom grazhdanskiy dogovor. *Polnoye sobraniye sochineniy v 3 t. Kazan*; Simferopol: Institute of History named after Sh. Marjani of the Tatarstan Academy of Sciences. 2017b.Vol.2. Pp.137-140. (In Russian)
Gasprynskiy I. Koye o chem*. Polnoye sobraniye sochineniy v 3 t.* Kazan; Simferopol: Institute of History named after Sh. Marjani of the Tatarstan Academy of Sciences. 2017c. Vol.2. Pp.213-215. (In Russian)
Gasprynskiy I. *Polnoye sobraniye sochineniy*: v 3 t. T. 3. Publitsistika: 1887–1890 gg. Ed. R.S. Khakimov; comp. S.A. Seitmemetova. Kazan; Simferopol: Institute of History named after Sh. Marjani of the Tatarstan Academy of Sciences. 2019. 560 p. (In Russian)
Gasprynskiy I. Bakhchisaray. *Polnoye sobraniye sochineniy v 3 t*. Kazan; Simferopol: Institute of History named after Sh. Marjani of the Tatarstan Academy of Sciences. 2019a. Vol.3. Pp.50-52. (In Russian)
Gasprynskiy I. V nastoyashcheye vremya v Bakhchisaraye vremenno prebyvayet devitsa Raziye khanum. *Polnoye sobraniye sochineniy v 3 t.* Kazan; Simferopol: Institute of History named after Sh. Marjani

of the Tatarstan Academy of Sciences. 2019b. Vol.3. (In Russian)
Gasprynskiy I. Vsledstviye starinnykh obychayev i usloviy byta pokhishcheniya zhen i nevest. *Polnoye sobraniye sochineniy v 3 t.* Kazan; Simferopol: *Institute of History named after Sh. Marjani of the Tatarstan Academy of Sciences*. 2019c.Vol.3. Pp.9-10. (In Russian)
Gasprynskiy I. Dopushcheniye na budushcheye vremya zhenshchin. *Polnoye sobraniye sochineniy v 3 t.* Kazan; Simferopol: Institute of History named after Sh. Marjani of the Tatarstan Academy of Sciences. 2019d. Vol.3. (In Russian)
Gasprynskiy I. Musul'manskaya prostitutsiya. *Polnoye sobraniye sochineniy v 3 t.* Kazan; Simferopol: Institute of History named after Sh. Marjani of the Tatarstan Academy of Sciences*.* 2019e. Vol.3. Pp.288-289. (In Russia)
Gasprynskiy I. Ob uravnenii nasledstvennykh prav zhenshchin i muzhchin. *Polnoye sobraniye sochineniy v 3 t.* Kazan; Simferopol: *I*nstitute of History named after Sh. Marjani of the Tatarstan Academy of Sciences. 2019f. Vol.3. Pp.36-37. (In Russian)
Gasprynskiy I. Po uchebnomu delu. *Polnoye sobraniye sochineniy v 3 t*. Kazan; Simferopol: Institute of History named after Sh. Marjani of the Tatarstan Academy of Sciences. 2019g. Vol.3. Pp.277-278. (In Russian)
Gasprynskiy I. Trud musul'manki. *Polnoye sobraniye sochineniy v 3 t*. Kazan; Simferopol: Institute of History named after Sh. Marjani of the Tatarstan Academy of Sciences. 2019h. Vol.3. Pp.158-159. (In Russian)
Gasprynskiy I. Khansha Karabagskaya. *Polnoye sobraniye sochineniy v 3 t.* Kazan; Simferopol: Institute of History named after Sh. Marjani of the Tatarstan Academy of Sciences. 2019i. Vol.3. Pp.382-383. (In Russian)
Hankevich V.Yu. *Na sluzhbe pravde i prosveshcheniyu: Kratkiy bibliograficheskiy ocherk Ismaila Gasprynskogo (1851-1914).* Simferopol: Dolya. 2001. 328 p. (In Russian)
Kerimov I.A. *Gasprinsky's "Janly" (Living) History: A Collection of Materials on the Crimean Tatar Language, Literature, and Culture (1883–1914).* Simferopol: Tarpan. 1999. 408 p. (In Tatar)
Kirgizskaya stepnaya gazeta: Chelovek, obshchestvo, priroda: 1888-1902. Ed.U. Subkhanberdina. M.O. Auezov Institute of Literature and Art. Almaty: Gylym. 1994. 814 p. (In Russian)
Kopeev, M.Zh. "Bayan-aul". *Kirgizskaya stepnaya gazeta: Chelovek, obshchestvo, priroda: 1888-1902.* Ed. U. Subkhanberdina. M.O. Auezov Institute of Literature and Art. Almaty: Gylym. 1994. Pp.118-122. (In Russian)
Kurkchi A. Ismail bey Gasprinsky. *Druzhba narodov.* 1991. No.12. (In Russia)
Osmanov Yu.B. *Prosvetitel' Vostoka Ismail Gasprynskiy*. Simferopol: Business- Inform. 2014. 312 p. (In Russian)
Periodicheskiye izdaniya lichnoy biblioteki Ismaila Gasprynskogo v sobranii Bakhchisarayskogo muzeya-zapovednika. Eds. Seitmemetova S.A., Abibullaeva E.E. Simferopol: DOLY. 2015. 176 p. (In Russian)
Seitmemetova S.A. *R*annee tvorchestvo Ismaila Gasprinskogo: pervye shagi v publitsistike (1879-1886 gg.). Intr. I. Gasprinsky *Polnoe sobranie sochinenii v 3 t.* T. 2. Rannyaya publitsistika: 1879-1886 gg. Kazan; Simferopol: Institute of History named after Sh. Marjani of the Tatarstan Academy of Sciences. 2017. Pp.3-28. (In Russian)
Tikhonova N.E. *Ismail Gasprynskiy i yego protivoyevraziyskiye idei:* Dissertation for Master of Arts. Saint Petersburg. 2016. 111 p. (In Russian)

Information about the author

Saniya N. Sabyr – doctoral candidate, Al-Farabi Kazakh National University, Al-Farabi Ave, 71, Almaty, Kazakhstan, https://orcid.org/0009-0003-7311-4391, saniya.nurzhanovna@gmail.com

Автор туралы мәлімет

Сания Нуржанкызы Сабыр – докторант, әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Әл-Фараби даңғ., 71, Алматы, Қазақстан, https://orcid.org/0009-0003-7311-4391, saniya.nurzhanovna@gmail.com

Сведения об авторе

Сания Нуржанкызы Сабыр – докторант, Казахский национальный университет им. аль-Фараби, пр. аль-Фараби, 71, Алматы, Казахстан, https://orcid.org/0009-0003-7311-4391, saniya.nurzhanovna@gmail.com

Conflict of Interest Statement: the author declares no conflicts of interest. ***Мүдделер қақтығысы туралы мәлімдеме:*** автор мүдделер қақтығысының жоқ екенін мәлімдейді. ***Заявление о конфликте интересов:*** автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the article / Мақала туралы ақпарат / Информация о статье
Entered the editorial office / Редакцияға түсті / Поступила в редакцию: 15.05.2026
Approved by reviewers / Рецензенттер мақұлдаған / Одобрена рецензентами: 10.08.2026
Accepted for publication / Жариялауға қабылданды / Принята к публикации: 10.09.2026